

Содержание

Теперь так будет всегда.....	3
24/7/365.....	28
Аномалка.....	60
Блаженный.....	90
Снаффер.....	103
Саранча, скопец, палач.....	131
Улыбка.....	154
Сучий объект.....	184
Лудоман.....	211
Гамлет Ильич.....	233
Трасса.....	272
Лабынгкыр.....	300
Твой случай.....	338
Ушлепище.....	368
Ватажник.....	394
Дурная наследственность.....	418
За что мне все это.....	453
Боженька.....	477
Послесловие.....	492
Об авторе.....	503

Теперь так будет всегда

ЦИКЛ 283

Гость появляется на исходе восемьдесят пятого дня. Гостями визитеров придумал называть Пузатый Вилли. Не помню уже, на каком цикле. До этого мы говорили «жертвы».

Первые минуты визита — самая умора. Особенно, если снаружи зима — вот как сейчас. Гость влетает в капсулу на лыжах и с ходу суется мордой в траву. Смешно до колик. У Вилли трясется от хохота пузо. Рыжий Клаус подхихикивает. В отличие от этих недоумков, я остаюсь серьезным. Мне жалко гостей. Ну не то чтобы очень, но я им хотя бы сочувствую.

Новый гость с минуту трудно копошится в траве. Затем поднимается на колени — лыжи враскорячку. Ошарашенно озирается. До него, как и до предшественников, не доходит.

— Вот ублюдок, — давится хохотом Пузатый Вилли. — Засранец. Шайзе, — чередует он русские слова с немецкими. — Свинья. Русшиш швайн.

Кто бы говорил. Как по мне — Вилли сам первостатейная свинья. С брылястой одутловатой рожей, круглыми глазками с тухлым взглядом и обрамляющей лысину порослью пегой ботвы. Кроме того, Вилли — законченный псих. И неряха — стоит посмотреть, как он жрет: давясь,

отплевываясь, жир капает с толстых, похожих на гамбургские сосиски пальцев.

— Сейчас ломанется назад, — комментирует хаотичные движения гостя Рыжий Клаус. — Редкостный болван. Я съем его печень.

Клаус тоже псих, как и Вилли. Впрочем, ему простительно. Нам всем простительно, всем трим. Станешь тут психом, когда раз в три месяца приходится подыхать. У Клауса, однако, мозги максимально набекрень, мы с Вилли по этой части в подметки ему не годимся. Он и в самом деле любит ребуху, сырую, еще теплую, с несвернувшейся кровью. Тощий, узкоплечий, с рожей цвета выгоревшего на солнце кирпича и свалявшимися патлами, Клаус больше походит на грибпоганку, чем на человека. Да он и есть поганка. Даже боров Вилли мне гораздо милей.

Гость, как и предсказывал Клаус, ломится назад. Налетает на оболочку капсулы, колотит по ней кулаками, ногами ее пинает, мордой тычется, будто бьющийся в стекло мотыль. Теперь от смеха не удерживаюсь и я — потешно донельзя. С нашей стороны оболочка прозрачная, изнутри прекрасно виден наружный пейзаж. Заснеженный лес, стелющаяся по целине лыжня. Вот она — рукой подать. Только встать на лыжню гостю уже не придется, жить ему осталось самую малость, а точнее — сколько мы позволим. С учетом того, что до конца цикла всего неделя — позволим недолго. Парню попросту не повезло — с теми, кто появлялся у нас в начале цикла, мы обходились недурно. Можно даже сказать — по-рыцарски.

Гость панически мечется, бьется в оболочку. Ему наверняка кажется, что он спятил. Еще бы: снаружи зима, а здесь палящее солнце, жухлая,

побитая зноем трава и густой вязкий воздух, сквозь который издыхающей черепахой тащится время. Нам-то что: мы ко всему этому давно привыкли. Но, помнится, первые два-три цикла вели себя под стать гостям и думали, что сошли с ума.

— Все, сдох, — констатирует Вилли, глядя на поникшего, выбившегося из сил лыжника. — Пошли, пора.

Мы выбираемся из невесть кем отрытой землянки и встаем рядком в полусотне метров от гостя. Все предшествующее было, считай, увертюрой к начинающемуся представлению. Привычной хохмой для поднятия настроения.

Лыжнику лет тридцать. Высокий, спортивный, подтянутый. Он оглядывается и видит нас. Секунду-другую ошеломленно молчит, разглядывая. Да, зрелище еще то. На левом фланге — рыжий дистрофик в форме вермахта с фельдфельским галуном на воротнике и «шмайссером» на изготовку. На правом — небрежно поигрывает «вальтером» жирный хряк, он тоже в форме, едва сходящейся на чудовищном пузе. По центру — благодушно улыбающийся интеллигентного вида юноша. Я безоружен, если не считать мясницкого тесака на поясе. Автомат остался в землянке, у изголовья дощатого топчана. Форму я терпеть не могу, и потому на мне обрезанные по циклотку кальсоны и холщовая рубаха в клетку.

— Вы кто, мужики? — бросается к нам гость.

— Мы-то? — лениво переспрашивает Клаус. — Кто-кто, сам не видишь, что ли? Фашисты.

У рыжего урода отличный русский — нахватался от многочисленных гостей, прежде чем они отправились на тот свет. Я тоже говорю по-русски вполне сносно, хотя и с акцентом. Лишь

Вилли по тупости заучил всего несколько бранных слов.

— Ролевики? — неуверенно спрашивает гость. — Меня Витей зовут. А это что?

Витя обводит рукой пространство капсулы. Двести двенадцать метров с юга на север, шестьдесят восемь с запада на восток. Овальная поляна с открытой по центру землянкой, ручей, овражек, остальное лес.

— Это твое последнее пристанище, Витя, — объясняет Клаус и мерзко хихикает. — Скорбная, можно сказать, юдоль, гы-гы-гы. Нравится?

— Шутишь?

— Какие уж там шутки, — Клаус наводит автомат. — Давай рассказывай. Кто такой, откуда, что в мире творится? Ты что, не понял, свинья?!

Витя ошеломленно моргает.

— Мудак ты, — со злостью говорит он. — Вот мудак-то.

Клаус стреляет одиночным. Пуля входит гостю в плечо, он заваливается на спину, рычит от боли, в глазах ужас, как у них у всех. С четверть минуты Витя катается по траве, затравленно глядя на нас. Он поверил. Теперь он уже не надеется, что случившееся с ним — идиотский розыгрыш.

— Отстрелить тебе яйца? — участливо осведомляется Клаус и наводит ствол.

Витя, зажимая рукой рану в плече, встает на колени, затем медленно, в три приема, — на ноги. Набычивается, готовясь броситься на нас. Напрасно — броситься ему не удастся. Мы уже понимаем, что с Вити толку не будет. Он не из тех, кто станет просить пощады.

Клаус дает от бедра очередь. Она перечеркивает Витю наискось, от плеча к паху. Он падает

навзничь и мелко сучит ногами. Тоже мне лыжник, мать его.

Солнце шпарит нещадно. Пахнет гнилыми листьями. Смертью тоже пахнет, но к ее смраду мы привыкли давно. Вдвоем с Клаусом тащим тело к ручью. Сдираем одежду, отбрасываем ее в сторону. Одежда нам ни к чему — через семь условных дней ее не станет. Так же, как не останется ничего от покойного. Но пока эти семь дней не истекли, он сослужит нам службу. Звери перестали забредать в капсулу много циклов назад. Звери умнее людей. И поэтому жрать придется человечину. Хотя медвежатина, конечно, питательнее и вкуснее.

— Потом провонял, — недовольно ворчит Клаус. — Хорошо, не обделался.

Витю, как и сотню гостей до него, разделявает Вилли. Клаусу достается ливер, он жадно рвет зубами почки, печень, затем добирается до сердца. Мы с Вилли стараемся не смотреть. Раньше мы пожирали друг друга — бросали жребий, кому быть едоком, а кому пищей. Потом перестали: противно да и не по-людски. У Вилли мясо отдаст тухлятиной, а у Клауса дерьмом и такое жесткое, что не прожевать. От моего они оба тоже не в восторге. Так или иначе, где-то на тридцатом цикле мы с практикой взаимного каннибализма покончили. В конце концов, мы цивилизованные люди, если, конечно, не брать в расчет Клауса.

Витю поедаем трое суток. Условных, как и всё здесь. Кости обгладываем уже в сумерках. Тоже условных. Заканчиваем, когда до конца цикла остается полтора дня. Самых страшных, последних, потому что по их истечении мы умрем. Мучительно умрем и не сразу. Раньше незадолго

до срока мы стрелялись, иногда один из нас приканчивал двух других. Потом научились ценить жизнь, даже такую, и ждать до конца. До самой последней минуты.

Она наступает, когда измучившее нас проклятое солнце наполовину заваливается за лес.

— До скорой встречи, — говорит Вилли, завороченно глядя на стремительно растущую в размерах огненную точку над головами. Она приближается, неотвратно, фаталистически. От нее не спрятаться, не скрыться, мы пробовали тысячу раз — закапывались в землю, ныряли в ручей, лезли на верхушки деревьев...

— Фогель, Штилике, чтоб вы сдохли! — истерит Клаус. — Сволочи, гады, ублюдки, ненавижу вас!

Огненная точка разрастается в шар. Он проламывает оболочку капсулы и взрывается, разом превращая нашу тихую обитель в яростный ад. Земля вздымается на дыбы и разлетается насыщенным обломками и осколками огненным валом. Он разворачивает мне грудь, вспарывает живот, пробивает внутренности. Мне больно, отчаянно больно. Я умираю.

ЦИКЛ 284

Как всегда, прихожу в себя последним. Так случилось в то злосчастное утро, в позднем августе сорок третьего, так происходит всякий раз и поныне. Выбираюсь из землянки. Вилли с Клаусом уже снаружи, пялятся на зависшее над восточным горизонтом солнце. Время начало

свой отсчет, свой поганый, пыточный, садистский отсчет. Оно сжалось, скукожилось, в сотню раз замедлило скорость по сравнению с той, что снаружи. Время капсулы. Наше время — растянувшийся на три месяца мучительный день.

— Обрыдло все, — привычно истерит Клаус. — Как же мне все остопоганело. Этот лес, гадское солнце, ваши рожи. Почему я не могу умереть? Вы, подонки, вас спрашиваю! Почему я, в рот вам ноги, до сих пор не могу умереть?!

Клаус врет. Больше всего он боится умереть навсегда. Не родиться вновь в душной землянке, а исчезнуть навечно. Мы все боимся этого, боимся отчаянно, хотя и не признаемся вслух.

— Пошел ты! — рявкает на Клауса Вилли. — Каждый раз одно и то же. Хочешь, буду стрелять тебя, едва родишься, мозгляк? Хочешь, гнида?

Клаус испуганно затихает. Он не хочет. Хотя и знает, что Вилли не станет стрелять. Мы ненавидим друг друга, давно и надежно. Но мы — три части единого целого. И так привыкли, притерпелись, прикипели друг к другу, что преждевременная смерть одного остальным доставляет пускай не горе, но искреннее сожаление. Будто потерял раньше срока что-то, без чего нелегко обойтись.

— Хайль Гитлер, уроды, — приветствую я обоих. — Рад, что вы снова здесь.

Пузатый Вилли кривит мучнистые дряблые губы. Век бы не видать его рожу.

— Здравствуй, Георг, — отвечает он. — Пошел бы ты в жопу со своим Гитлером.

Пережившего нас на пару наружных лет фюрера мы ненавидим не меньше, чем друг друга. Это из-за него, психопата и садиста, мы стали

тем, что есть. Это он, гад, загнал нас в проклятую капсулу и оставил в ней подыхать. Это его заботами окоचурились сотни тысяч немецких парней. Только вот нам троим повезло. Или не повезло, в зависимости, как посмотреть. Вместо чтоб один раз сдохнуть за фюрера и фатерланд, мы издыхаем раз в три месяца невесть за что.

— В жопу так в жопу, — соглашаюсь я и отправляюсь в лес за жратвой.

Жратвы нам отмерено, словно кот нагадил. Это сейчас, когда научились жить впроголодь, ее хватает до конца цикла, даже если в капсулу не заявится гость. Зато раньше... Меня передергивает, стоит вспомнить, как стрелялся за месяц до срока, потому что мучительные спазмы в желудке не было никаких сил терпеть.

Я вброд пересекаю ручей. Он течет с запада на восток, огибает поляну, скатывается по склону овражка, узкой змейкой вьется между деревьями леса, всасывается в оболочку капсулы и исчезает. Рыбы в ручье нет, зато в изобилии водятся головастики, из которых Вилли варит суп. Всего головастиков сто девяносто три, и выловить их всех обычно удастся, когда треть цикла уже позади.

Добираюсь до северной окраины. Здесь малинник, сегодня мне предстоит обобрать два куста. Срезать десяток грибов и прикончить здоровенную гадюку, которая очухивается раньше нас и потому успевает уползти, так что ее приходится разыскивать. Змея — единственный, кроме нас, постоянный обитатель капсулы, если не считать головастиков и насекомых. Раньше мы пожирали гадюку сразу, но, набравшись опыта, стали вялить на солнце — теперь за

счет змеиного мяса удается протянуть дня три-четыре.

Касаясь пальцами оболочки, бреду вдоль нее на восток. Раньше капсулу мы называли ловушкой. До тех пор, пока гостем не забрел профессор из Москвы, который выдвинул красивую гипотезу, прежде чем мы его сожрали. Согласно этой гипотезе, мы втроем угодили во временную петлю, образовавшуюся в результате мощного взрыва. Как угодили и почему именно мы, профессор объяснить не сумел, и психанувший Клаус его прикончил. Как бы то ни было, драпали мы из-под Курска так, что земля стонала под сапогами. Отбившись от части, три недели плутали по лесам и забрались в самую глушь. На лесную поляну с заброшенной землянкой по центру наткнулись, когда вконец уже обессилели. В этой землянке мы провели ночь, а пробудившись наутро, решили отоспаться и днем. Вновь проснулись уже в сумерках, от доносящихся с востока человеческих голосов. Говорили по-русски, но мы даже обделаться от страха не успели, а лишь заорали от ужаса, потому что над головами уже стремительно разрастался огненный шар. Обрушившись, он разом заткнул и русских, и нас.

Жуткая вещь эта капсула. Изнутри — словно купол с прозрачными стенами: у нас вечный август, а за ними то январь, то апрель. Зато снаружи никаких стен вовсе нет, все гости это подтверждают. И капсулы никакой нет, пока внутри не окажешься. Московский профессор плел что-то насчет разрыва в пространственно-временном континууме. Анизотропного разрыва — в одну только сторону. Вот нас этим разрывом и угораздило — по самые анизотропы.